

Императорская Академия Наук

**Словарь церковно-славянского и русского
языка**

Том 1

УДК 93
ББК 63.3
И54

И54 **Императорская Академия Наук**
Словарь церковно-славянского и русского языка: Том 1 / Императорская Академия Наук – М.: Книга по Требованию, 2013. – 442 с.

ISBN 978-5-518-09620-2

ISBN 978-5-518-09620-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 30-й день Сентября 1783 года удостоенъ Высочайшаго утвержденія всеподданнѣйшій докладъ Княгини Дашковой объ учрежденіи Императорской Россійской Академіи, съ отнесеніемъ къ ея обязанности *вычищенія и обогащенія языка, общаго установленія употребленія словъ*, также *своиственнаго ему вѣдѣнія и стихотворства*. Россійская Академія въ продолженіе пятидесяти осьми лѣтъ стремилась достигнуть этого назначенія, и, кромѣ многихъ другихъ трудовъ, оставила незабвенными памятниками своего существованія три книги: Словарь Словопроизводный, Словарь въ азбучномъ порядкѣ и Грамматику отечественнаго языка.

Въ 19-й день Октября 1841 года послѣдовалъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайшій Рескриптъ, въ которомъ между прочимъ изображено:

«Обращая непрерывное вниманіе на успѣхи отечественной словесности и имѣя въ виду способствовать ея развитію приведеніемъ занятій Учрежденія, которому ввѣрено попеченіе о Русскомъ Словѣ, въ единство и совокупность съ трудами первенствующаго Ученаго Сословія въ имперіи, я призналъ за благо, на основаніи утвержденного сего дня Положенія въ Штатахъ, присоединить Императорскую Россійскую Академію къ Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ особаго Отдѣленія Русскаго языка и словесности».

Согласно съ этой Высочайшей волей, Академія Наукъ въ обновленномъ составѣ своемъ, 20-го Декабря того же года, имѣла первое общее собраніе, въ которомъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія краткими, но многозначительными словами: «хранить и утверждать языкъ», обнялъ весь кругъ дѣйствія Отдѣленія Русскаго языка и словесности. И въ самомъ дѣлѣ, хранить языкъ — не значитъ ли приводить въ стройную совокупность всѣ его сокровища, разрозненныя временемъ и мѣстомъ, для приличнаго и отчетливаго по мѣрѣ надобности употребленія? Утверждать языкъ — не есть ли выяснять сокровенные законы языка, и подчинять единообразію правилъ многостороннюю его знаменательность?

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности вслѣдъ за тѣмъ, 23-го Декабря, открыло свои особыя засѣданія. Предложенный Г. Предсѣдательствующимъ планъ занятій разсмо-

трудъ въ Отдѣленіи и утвержденъ Общимъ Академическимъ Собраніемъ. Два важнѣйшіе труда поставлены въ основаніе начальныхъ распоряженій Отдѣленія: изданіе Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка и Русской Грамматики. Первый трудъ, болѣе обширный и многосложный, приняло на себя Отдѣленіе, а для втораго учреждена временная Коммиссія изъ Членовъ, имѣющихъ пребываніе въ Москвѣ. Принимая въ особенное уваженіе безотлагательную потребность въ Словарѣ, Отдѣленіе употребило всѣ зависящіе отъ него средства къ ускоренію составленія и вмѣстѣ печатанія сей книги. Не взирая на ограниченное число Членовъ, изъявившихъ готовность постоянно участвовать въ этомъ трудномъ занятіи, — на открывшуюся необходимость подвергнуть переработкѣ и значительно пополнить поступившіе на сей конецъ матеріалы изъ бывшей Россійской Академіи, — на огромное количество словъ, которыя надлежало въ то же время почерпать изъ живаго языка и изъ древнихъ памятниковъ нашей словесности, вышедшихъ въ свѣтъ большею частію въ послѣднее десятилѣтіе, — старанія Отдѣленія не были безуспѣшны. Въ 1842 году положено начало печатанію перваго и втораго, а въ 1843 году третьяго и четвертаго томовъ Словаря, и все изданіе приведено въ текущемъ году къ окончанію.

Съ выпускомъ нынѣ въ свѣтъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, Отдѣленіе считаетъ не излишнимъ обратить вниманіе просвѣщенныхъ соотечественниковъ, во-первыхъ, на *историческое развитіе нашего языка и на стизіи, или составныя его начала*, для обозначенія объема и предѣловъ Словаря; во вторыхъ, на *исторію Славяно-Русской лексикологии*, и въ третьихъ, на *планъ изданія и на самое исполненіе плана*, съ поименованіемъ издателей Словаря и другихъ лицъ, принимавшихъ въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе.

I. Языкъ нашъ, одна изъ отраслей языковъ Индо-Европейскихъ, принадлежитъ къ нарѣчіямъ Славянскаго племени. Онъ состоитъ изъ разныхъ стизій, послѣдовательно втекавшихъ въ него согласно съ судьбами народной жизни. При введеніи Христіанской Вѣры въ Россію, приняты были библейскія и богослужебныя книги на языкъ Задунайскихъ Славянъ, который новѣйшіе изслѣдователи почитаютъ древнимъ языкомъ Славянъ Македонскихъ, или Солунскихъ. Этотъ языкъ, ограничивающійся кругомъ книгъ богослужебныхъ, обыкновенно называется у насъ *Церковно-Славянскимъ*.

Съ X по XVIII столѣтіе Церковно-Славянскій языкъ въ литургическихъ книгахъ подвергался разновременнымъ исправленіямъ, которыя однако не коснулись его своеобразности, и онъ сохранился до нашего времени какъ органъ Православной Вѣры и богослуженія; но въ сочиненіяхъ духовныхъ писателей, выражавшихъ на немъ въ теченіе семи вѣковъ истинны Вѣры, отъ примѣся словъ и оборотовъ Русскаго языка и отъ безотчетнаго употребленія грамматическихъ формъ того и другаго, уклонился отъ своего первообраза, такъ что въ послѣдствіи отъ него отдѣлилось особое нарѣчіе, среднее между Церковно-Славянскимъ и Русскимъ. Это нарѣчіе не имѣло постоянныхъ правилъ, всегда было шатко и распадалось на разныя отрасли. Послѣдовательно, по временамъ и мѣстностямъ, оно являлось почти въ

такомъ же отношеніи къ Церковно-Славянскому языку, въ какомъ Латинскій среднихъ вѣковъ къ языку Цесаря и Цицерона. Для отличія отъ Церковно-Славянскаго, назовемъ его *Славяно-Русскимъ*.

Церковно-Славянскій языкъ и Славяно-Русское нарѣчіе, служившіе орудіями Вѣры, богослуженія и проповѣди, по самому существу своему, оставались у насъ нарѣчіями книжными: въ устахъ народа слышался другой языкъ, собственно *Русскій*. Въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ Москвѣ и Полоцкѣ, на всемъ пространствѣ древней Руси, звучало особое народное слово, богатое, самобытное, отличное отъ всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Чтобъ убѣдиться въ томъ, стоитъ только сравнить нѣсколько главъ изъ Библіи съ грамотами Новгородскаго вѣча, Дмитрія Донскаго или Іоанна Грознаго. Древній Русскій языкъ, сколько можно судить по многочисленнымъ отрывкамъ его, сохранившимся въ памятникахъ стариннаго законодательства и дѣловодства, долго удерживалъ коренную свою основу. Обращаясь въ теченіе столѣтій въ устахъ народа, и въ то же время будучи языкомъ государственной письменности, онъ утвердился употребленіемъ, обогатился реченіями и оборотами, отличался особенною отчетливостью и представлялъ органическое цѣлое; въ немъ отражалось то, что народъ зналъ и что ему нужно было — ни болѣе, ни менѣе.

Такимъ образомъ въ древней Руси двѣ стороны народнаго быта, духовная и вещественная, изображались различно: первая — языкомъ Церковно-Славянскимъ съ Славяно-Русскимъ нарѣчіемъ, вторая Русскимъ; первые два вида были какъ бы священными, послѣдній общественнымъ, житейскимъ. Церковно-Славянскій и Русскій языки шли каждый особымъ путемъ, удерживая по возможности свою самобытность и не допуская иноземной примѣсы. Вліяніе Церковно-Славянскаго языка на Русскій простиралось преимущественно на стихійный составъ его; но какъ строеніе рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни, то словосочиненіе Церковно-Славянское, подражательное Греческому и принадлежавшее въ древности Славянамъ другаго племени, не привилось къ нашему языку. Продолжительное обращеніе съ Татарами хотя не могло не имѣть нѣкотораго дѣйствія на Русскій языкъ, и въ него заронено нѣсколько словъ изъ Татарскаго и другихъ восточныхъ нарѣчій; но болѣе сего нельзя было и заимствовать отъ народа, который ни въ образѣ жизни, ни въ нравахъ своихъ не имѣлъ ничего съ нами общаго. Немногія слова изъ домашняго быта и нѣкоторыя названія драгоценныхъ камней — вотъ все, что осталось у насъ отъ періода Монголовъ.

Какъ Церковно-Славянскій языкъ, употреблявшійся у насъ единственно въ богослуженія, не могъ быть удобоподвиженъ въ своихъ формахъ, а Славяно-Русское его нарѣчіе, книжное и зависѣвшее отъ произвола писателей, не подлежало законамъ развитія, свойственного живымъ языкамъ; то, не объясняя одновременныхъ ихъ измѣненій и оставляя первобытное состояніе Русскаго языка, какъ недостаточно изслѣдованное, обратимъ вниманіе на развитіе его отъ учрежденія въ Россіи единодержавія до нашего времени.

Послѣ паденія Восточной Имперіи, когда предки наши стали знакомиться съ Западными Европейцами, уже открытъ былъ новый міръ, изобрѣтено книгопечатаніе, и свѣтъ просвѣщенія началъ разливаться повсюду. Провидѣніе, пославъ на Россію толпы Азіятскихъ варваровъ, угнетавшихъ ее болѣе двухъ столѣтій, приготовляло ей лучший жребій. Съ пробужденіемъ любви къ отечеству, свержено иго Татарское и возникла народная само-бытность. Великокняжескій престолъ, перенесенный изъ Кіева во Владиміръ, оспариваемъ былъ то Тверью, то Рязанью, доколѣ не утвердился наконецъ въ Москвѣ. Русскій языкъ, съ уничтоженіемъ Удѣловъ и соединеніемъ Россіи въ одно цѣлое, подъ скипетромъ Іоанна III, распространился въ объемъ и получилъ направленіе болѣе положительное. Единство управленія и законы, истекавшіе изъ одного источника, соединили всѣ оттѣнки языка въ одной общей рѣчи. Онъ свободно примѣнялся къ государственнымъ и общественнымъ потребностямъ, обнимая всѣ стороны дѣятельности народной и соотвѣтствуя кругу современныхъ понятій. Это доказываютъ государственные акты XVI и XVII столѣтій: гдѣ бы ни были они писаны, на пространствѣ цѣлой Россіи, языкъ въ нихъ является одинъ и тотъ же, выразительный и благозвучный. Едва замѣтное измѣненіе его начинается въ періодъ Междупарствія, и особенно въ то время, когда Михаилъ и Алексій, родоначальники благословеннаго Дома Романовыхъ, усмотрѣвъ необходимость въ преобразованіи ратнаго дѣла, усвоили Россіи нѣкоторые Европейскіе искусства и обычаи, для уравненія вещественныхъ силъ ея съ другими Западными народами. Съ тѣхъ поръ начали проникать въ отечество наше лучи Европейскаго просвѣщенія. Сношенія съ Европою, благопріятствуя прочному, но медленному его у насъ водворенію, безъ сомнѣнія отразились бы и въ языкѣ, если бы внутреннія смуты, въ концѣ XVII столѣтія, не прекратили ихъ на время, и не вызвали общаго преобразованія государства. Языку Русскому, съ перемѣною утвержденнаго вѣками общественнаго порядка, нравовъ и понятій, надлежало подчиниться судьбамъ этого преобразованія.

Кто прѣжежно наблюдалъ минувшія событія и внимательно слѣдилъ за историческимъ развитіемъ отечества нашего, во дни славы и испытаній, предназначенныхъ ему небеснымъ Промысломъ, тому извѣстно, что еще до Петра Великаго въ Русскомъ народѣ таилось предчувствіе новаго порядка вещей. Мятежи Смутнаго Періода, подкопавшіе древнее зданіе государственныхъ учрежденій и заронившіе первыя сѣмена чужеземныхъ обычаевъ, равно какъ и внутреннія неурюстройства во второй половинѣ XVII вѣка, требовали возрожденія Россіи. Въ это время Провидѣніе послало намъ Петра. Какъ представитель возникавшей потребности, какъ первый труженникъ въ дѣлѣ народнаго образованія, онъ изучалъ Европу въ путешествіяхъ по чужимъ краямъ, радушно принималъ иностранцевъ, полезныхъ Россіи знаніями и талантами, отправлялъ даровитыхъ юношей за границу, повелѣлъ ввести новыя письмена, заставлялъ переводить книги, собственноручно писалъ указы и учрежденія. Но при водвореніи новыхъ знаній, языкъ не могъ выразить вдругъ множества чуждыхъ

намъ понятій. И не удивительно. Изучая свойства древняго Русскаго Слова и видная въ содержаніе его памятниковъ, нельзя не замѣтить, что языкъ нашъ въ томъ видѣ, въ какомъ находился въ XVI и XVII столѣтіяхъ, не могъ служить удобнымъ для того орудіемъ, и что обновленіе его было тѣсно связано съ успѣхами преобразованія Россіи. Для выраженія предметовъ, нуждъ и отношеній новаго общества, надлежало создать и новое Слово. Потребность свѣтской литературы, не существовавшей прежде, составляла не меньшее къ тому побужденіе. Сообразно законамъ этой необходимости, измѣненіе языка происходило тогда не послѣдовательно, а совершилось одновременно, чему причиною были особыя обстоятельства и самая поспѣшность нововведеній. Желая писать о предметахъ, касающихся до наукъ и искусствъ, до учреждений, быта и нравовъ Европейскихъ, писатели не могли выражать ихъ въ формахъ исключительно свойственныхъ Русскому языку, а почерпали обороты изъ Церковно-Славянскаго и Славяно-Русскаго, съ прямымъ выраженіемъ не только народныхъ, но и чужеземныхъ. Множество иностранныхъ словъ вошло въ языкъ между прочимъ и отъ скорости, съ которою переводились книги по разнымъ отраслямъ наукъ; при чемъ грамматическое расположеніе словъ было принято частію Латинское, а частію свойственное новымъ Европейскимъ языкамъ. Вотъ причина, почему языкъ литературы, появившейся при Петрѣ Великомъ, представляетъ столь странную борьбу разнородныхъ элементовъ, столь несогласную смѣсь оборотовъ, въ которыхъ однакожъ таилась зародышъ будущаго усовершенствованія. Къ словеснымъ памятникамъ, ознаменовавшимъ этотъ переходный періодъ, принадлежатъ: сочиненія Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича и Гавріила Букинскаго, духовные и гражданскіе уставы и учрежденія, изданные послѣ 1700 года, переводы книгъ математическихъ, астрономическихъ, навигаціонныхъ, историческихъ и географическихъ, Амстердамскія изданія Иліи Копіевича и проч.; къ нимъ же отчасти относятся стихотворныя и прозаическія произведенія Кантемира.

Эта эпоха Русскаго языка, подъ какимъ бы вліяніемъ ни происходило его преобразование и какъ бы вошедшія въ него стихія съ перваго взгляда ни казались несовмѣстными, составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ области отечественнаго Слова. Обильное послѣдствіемъ для умственной нашей жизни, оно поучительно для филолога и достойно наблюденій историка. Здѣсь источникъ слога нынѣшней нашей литературы; отсюда собственно начинается ея исторія.

Ходъ и перевороты языка въ XVIII вѣкѣ доселѣ не подвергнуты у насъ критическому изслѣдованію во всѣхъ подробностяхъ, но причины, ускорившія или замедлившія его развитіе, кажется, извѣстны достаточно. Напомнимъ главнѣйшія изъ нихъ. Отсутствие твердыхъ началъ, нестройность состава и неопредѣлительность значенія словъ ограничивали новый языкъ исключительно книжнымъ употребленіемъ, и надлежало явиться гению, чтобы открыть въ немъ источникъ органической жизни. Этотъ гений былъ Ломоносовъ. Превосходство и недостатки его, какъ писателя, носятъ на себѣ признаки возраста нашего въ по-

ловнѣ истекшаго столѣтія. Ломоносовъ привелъ въ порядокъ нестройное смѣшеніе языка, опредѣлилъ грамматическія его правила и положилъ основаніе слогу, представивъ образцемъ собственныя произведенія въ стихахъ и прозѣ; но заимствуя Славянскіе обороты, онъ породилъ множество неискусныхъ подражателей, такъ что не смотря на послѣдующіе успѣхи словесности, безотчетное сближеніе Церковно-Славянскаго языка съ Русскимъ совершенно прекратилось у насъ не прежде XIX столѣтія. Примѣру Ломоносова не слѣдовали Тредьяковскій и Сумароковъ, отвергавшіе преобладаніе Славянскаго элемента и располагавшіе слова и періоды по примѣру языковъ Европейскихъ. Послѣдователи ихъ, увлекаясь то тѣмъ, то другимъ направленіемъ, препятствовали правильному развитію языка. Но съ половины XVIII вѣка появились писатели, старавшіеся противоудѣйствовать столь неестественному движенію литературы. Первые въ этомъ отношеніи успѣхи принадлежатъ Московскому Университету: въ сочиненіяхъ профессоровъ и лучшихъ его питомцевъ мы видимъ уже слѣды постепеннаго усовершенствованія языка. Подъ перомъ Фонт-Визина, Муравьева и Подшивалова, онъ началъ принимать изящныя формы новыхъ идей, усвоилъ ясность словорасположенія, и изрѣдка только отзывался лепетомъ возрожденія. Карамзинъ, начавшій свое поприще въ концѣ истекшаго вѣка, окончательно переработалъ слогъ. Его успіямъ сосредоточить разрозненныя формы языка въ одной опредѣлительной рѣчи, утвердить слововыраженіе и придать слогу эстетическій обликъ, примѣняя его къ современному языку общества, обязаны мы дальнѣйшими успѣхами Русской литературы.

Вѣкъ Екатерины II-й представляетъ въ жизни Руси какую-то эпическую полноту и величавость. Мы переставали безсознательно перенимать у Западныхъ Европейцевъ все, что они указывали намъ какъ достойное подражанія; умственная жизнь наша не сосредоточивалась уже въ одной жадѣ любознанія, но и сама дѣйствовала по всѣмъ направленіямъ. Слово этого вѣка — Державинъ; всѣ разноцвѣтныя лучи славы Екатерины слились въ одинъ свѣтлый лучъ фантазіи поэта; каждая струна его лиры звучала роднымъ отзвукомъ на желанія и чувства его современниковъ. Въ очаровательныхъ очеркахъ царствованія Великой Державинъ выразилъ всѣ особенности Русской народности, всѣ образы и отливны Русскаго языка. Въ первыхъ стихотвореніяхъ своихъ онъ является послѣдователемъ Ломоносова, но превосходя его нѣптяческимъ талантомъ, вскорѣ усвоилъ себѣ лирическое первенство. Оживляя картины могучаго воображенія неистощимымъ восторгомъ души, Державинъ создалъ стихотворный языкъ, только ему одному свойственный. Но этому онъ не могъ, подобно Карамзину, измѣнившему прозу своего времени, дѣйствовать успѣшно на стихотворный слогъ, и привести въ единство разобщенный способъ изложенія другихъ поэтовъ. Но между тѣмъ какъ Херасковъ, Костровъ, Петровъ, Княжинъ, Капнинъ и другіе современники Державина продолжали идти по тропѣ, проложенной Ломоносовымъ и Сумароковымъ, языкъ легкой поэзіи обнаружился въ стихотвореніяхъ Богдановича и Дмитриева.

Со вступленіемъ на престолъ Александра Благословеннаго насталъ новый вѣкъ, еще

болѣе благопріятствовавшій Русскому языку. Украшеніемъ этого вѣка является Карамзинъ, какъ историкъ. Познакомивъ насъ съ отечественными преданіями, онъ очаровательно кистью изображалъ древнюю Русь, живописалъ родные нравы, воскрешалъ истлѣвшіе памятники давно минувшихъ временъ, вызывалъ цѣлыя поколѣнія изъ гробовъ, и заставлялъ ихъ вновь дѣйствовать передъ нами, съ отличительными свойствами своего вѣка, съ ихъ доблестями и пороками, съ ихъ повѣрьями и предрассудками. Съ появленіемъ Исторіи Государства Россійскаго прекратились споры о старомъ и новомъ слогѣ; тогда убѣдились въ истинѣ, что языкъ образуется не по произволу академій, но въ быту и жизни народной, что каждый вѣкъ выбираетъ для себя сокровища изъ наслѣдія предковъ, и самъ развиваетъ себя въ Словѣ. Въ то же время языкъ поэзіи, недостижимый для подражанія въ лирическихъ произведеніяхъ Державина и не представлявшій твердаго основанія въ способѣ выраженія другихъ поэтовъ, преобразованъ Жуковскимъ. Подъ перомъ его окъ приобрѣлъ стройную соразмѣрность и правильность, живописную сжатость и опредѣлительную отчетливость. Жуковскій, восхитившій насъ новыми, неожиданными звуками своей лиры, пробудилъ гениальный талантъ Пушкина и вызвалъ многихъ замѣчательныхъ поэтовъ. Въ числѣ ихъ останется незабвеннымъ имя Грибоѣдова, какъ творца современной Русской комедіи. Еще прежде того Хемницеръ началъ, а Крыловъ блестятельно довершилъ усовершенствованіе языка басни, соединивъ прелесть изящныхъ поэтическихъ образовъ съ непринужденною свѣжестью народной рѣчи.

Въ столѣтіе, ознаменованное столь блестящимъ развитіемъ отечественнаго Слова, успѣхамъ его, не менѣе свѣтскихъ писателей, содѣйствовали и духовные витія, которыхъ проповѣди можно назвать образцовыми по изложенію истинъ Вѣры и сочетанію слога библейскаго съ общенароднымъ. Гедеонъ, Шлатонъ, Анастасій, Леванда, Михайлъ, Августинъ были представителями церковнаго краснорѣчія второй половины истекшаго и первой четверти текущаго столѣтія. Вѣнецъ духовнаго современнаго витійства составляютъ Слова Филарета, Митрополита Московскаго, и Иннокентія, Архіепископа Харьковскаго.

Изъ какихъ же элементовъ, въ періодъ отъ Петра Великаго до нашего времени, сложилось богатое, величественное, прекрасное Русское Слово, совмѣстившее въ себѣ и священный языкъ Вѣры, и родное нарѣчіе отечественныхъ преданій, и слова, служащая къ выраженію новыхъ понятій, переданныхъ намъ народами, которые опередили насъ въ образованіи? Изъ предъидущаго обзорѣнія можемъ вывести слѣдующее заключеніе о составѣ *современнаго* Русскаго языка:

1) Первая стихія есть *Церковно-Славяскій* языкъ, заключающійся въ переводѣ Священнаго Писанія, твореній Греческихъ Церковныхъ Отцевъ, книгъ богослужебныхъ и каноническихъ. Труды Славянскихъ первоучителей Кирилла и Мефодія составляютъ его первообразъ.

2) Вторая стхія — нарѣчіе *Славяно-Русское*, состоящее изъ смѣси словъ и оборотовъ Церковно-Славянскихъ съ Русскими. Въ немъ должно различать два вида:

Славяно-Русское Восточное, существовавшее въ Восточной (Великой) Россіи. На немъ читаемъ: Житія Русскихъ Святыхъ, опредѣленія Соборовъ, посланія и грамоты духовныхъ лицъ, писанія Кирилла Туровскаго, Іосифа Волоцкаго, Максима Грека, монаха Зиновія и другихъ, Патерики, Степенныя Книги, отчасти Лѣтописи и Хронографы, жизнеописанія Святыхъ, собранныя въ XVI вѣкѣ подъ именемъ Великихъ Макаріевскихъ Миней, полемику съ папистами и раскольниками. Последнее замѣчательнѣйшее твореніе на этомъ нарѣчій — Житія Святыхъ св. Дмитрія Ростовскаго.

Славяно-Русское Западное, извѣстное въ Западной Россіи по соединеніи ея съ Литвою и Польшею. Въ числѣ образцевъ его — переводъ книгъ Ветхаго Завѣта и Апостола, сдѣланный Скорпиною, труды Зизанія, Смотрицкаго, Кирилла Транквилліона, Захарія Копыстенскаго, Петра Могилы, и множество произведеній по разнымъ отраслямъ тогдашней Церковной письменности.

3) Третья стхія — *старинный Русский языкъ*. Въ древности основа его была общая въ Восточной и Западной (Литовской) Россіи; потомъ онъ раздѣлился на два нарѣчія:

Восточно-Русское, бывшее изустнымъ и дѣловымъ языкомъ въ Восточныхъ Удѣльныхъ Княжествахъ, Новгородѣ и Псковѣ, и потомъ въ Московскомъ Государствѣ. Матеріалы этого нарѣчія заключаются въ дипломатическихъ и юридическихъ актахъ: трактатахъ, статейныхъ спискахъ, уставахъ, наказахъ, грамотахъ, восходящихъ къ XIII вѣку, изъ которыхъ многіе напечатаны, но большая часть хранится въ рукописяхъ. На немъ дошла до насъ народныя пѣсни и сказки. Это нарѣчіе можно почитать главною стхіею нынѣшняго Русскаго языка.

Западно-Русское, называемое также Бѣлорусскимъ, составлявшее народный языкъ въ Западной Россіи. Образцы его — Судебникъ Казимира IV, Литовскіе Статуты, акты Литовской Метрики и вся гражданская письменность того края, измѣнившася въ законодательномъ и административномъ отношеніи подъ вліяніемъ Литвы и Польши.

Еще должно упомянуть о двухъ Русскихъ нарѣчіяхъ, сохранившихся въ немногихъ драгоценныхъ памятникахъ старины. Эти нарѣчія суть: *Южно-Русское*, употреблявшееся въ Южно-Русскихъ Княжествахъ до завоеванія Татарами и Литовцами Южной и Западной Руси, и *Сѣверно-Русское*, которымъ говорили нѣкогда въ Новгородѣ и Псковѣ, потерявшееся въ Восточно-Русскомъ. На первомъ нарѣчій время пощадило Русскую Правду, Поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоревомъ, нѣкоторыя грамоты (Князя Мстислава съ Ригею и Готландомъ 1229 г.), отрывки въ Лѣтописяхъ, и проч.; на второмъ Новгородскія грамоты, купчія записи, духовныя завѣщанія *) и статьи разнаго содержанія, разсѣяныя въ древнѣйшихъ рукописяхъ.

*) См. Акты Юридическіе, издаваемые Археологическою Комиссіею. С. П. бургъ, 1838 г. стр. 110 — 119, 188, и 430 — 436

II. Обратимся къ лексикологiи, или къ составленiю сборниковъ и словарей Церковно-Славянскаго и Русскаго языка. Первые слѣды этого рода сочиненiй находимъ въ харатейной Кормчей, писанной въ 1282 году, для Новгородскаго Архiепископа Климента, и въ рукописи, принадлежавшей покойному Графу Румянцову, 1431 года, гдѣ помѣщены отрывки объясненiя библейскихъ реченiй *). Въ 1596 году составленъ неизвѣстнымъ лицомъ «Алфавитъ или толкованiе иностранныхъ рѣчей», довольно обширный лексикологическiй трудъ, который въ позднѣйшихъ спискахъ то сокращался, то распространялся **). При Славянской Азбукѣ Зизанiя помѣщенъ краткiй Словарь Славяно-Россiйскiй (1596 г.), и столь же малообъемный Лексиконъ напечатанъ Памвою Бериндою въ 1627 г. Изъ второй половины XVII столѣтiя извѣстенъ Греко-Славено-Латинскiй Словарь Епифанiя Славинскаго, хранящiйся въ числѣ рукописей Синодальной Библиотеки. Въ 1704 г. вышелъ въ свѣтъ Лексиконъ Трехъязычный Федора Поликарпова, а въ 1773 г. первое изданiе Церковнаго Словаря Протоiерея Петра Алексѣева. Было и еще нѣсколько попытокъ составленiя подобныхъ сборниковъ Славянскихъ и Русскихъ словъ; но всѣ они ни объемомъ своего содержанiя, ни количествомъ словъ, ни точностию объясненiя ихъ не соответствовали своему назначенiю и нимало не облегчали дальнѣйшихъ трудовъ на поприщѣ отечественной лексикологiи.

Россiйской Академiи мы обязаны двумя Словарями: Словопроизводнымъ и Азбучнымъ. Первую часть Словопроизводнаго Словаря Академiя имѣла счастье поднести Императорской Основательницѣ своей въ 1789 году; послѣднiя двѣ части, пятая и шестая, приведены къ окончанiю въ 1794. Всѣхъ реченiй въ Словопроизводномъ Словарѣ объяснено 43,257. Другой Словарь, расположенный азбучнымъ порядкомъ, котораго первая часть издана въ 1806, а шестая и послѣдняя въ 1822 году, содержитъ въ себѣ 51,388 словъ. По большинству голосовъ, Академiя рѣшилась прежде издать Словарь Словопроизводный. Этотъ важнѣйшiй трудъ не достигъ однако вполне своей цѣли, потому что Словопроизводнымъ Словаремъ занятiя по части лексикографiи оканчиваются, а не начинаются. Ему должно предшествовать составленiе Сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчiй, предложенное и Вторымъ Отдѣленiемъ Академiи. Тогда найдутся многiе корни, у насъ утраченные, и возвратятся многiя вышедшия изъ употребленiя слова, которыя, при постепенномъ развитiи первоначальнаго языка Славянъ, служили ближайшимъ переходомъ отъ одного понятiя къ другому, и у однихъ племенъ Славянскихъ уцѣлились, а другими забыты. Что касается до Азбучнаго Словаря, то превосходя первый количествомъ словъ и опредѣлительностию ихъ значенiй, онъ доселѣ

*). Приложенiя къ сочиненiю Калайдовича, подъ заглавiемъ: Іоаннъ, Эзархъ Болгарскiй, стр. 185 — 197, изд. въ Москвѣ въ 1824 г.

**). Хронологическое указанiе матеріаловъ отечественной исторiи, литературы и правовѣдѣнiя до начала XVIII столѣтiя, изд. въ Москвѣ въ 1834 г.

почитался замѣчательнымъ и весьма полезнымъ трудомъ. Вообще изданіемъ обоихъ Словарей Академія оказала значительную услугу отечественному Слову. Уже одно собраніе и распредѣленіе словъ, отысканіе примѣровъ употребленія ихъ въ разнородныхъ памятникахъ Церковной и гражданской словесности, приведеніе реченій изъ простонароднаго и областного быта, кромѣ самаго истолкованія ихъ, составляетъ подвигъ, увѣнчанный справедливымъ уваженіемъ современниковъ и благодарнымъ воспоминаніемъ потомства.

Азбучный Словарь Россійской Академіи послужилъ матеріаломъ покойному Члену ея П. И. Соколову къ изданію «Общаго Церковно-Славяно-Россійскаго Словаря», напечатаннаго въ двухъ частяхъ въ 1834 году. Въ немъ заключается 63,432 слова.

Изъ новѣйшихъ трудовъ по части Церковно-Славянской и Русской лексикологіи заслуживаютъ быть упомянутыми: а) Словопроизводный Словарь Русскаго языка, Рейфа, вышедшій въ свѣтъ въ двухъ частяхъ въ 1835 году, и б) Корнесловъ того же языка, сравненнаго съ прочими Славянскими нарѣчіями, Шимкевича, изданный въ 1842 году. Последняя книга представляетъ въ весьма маломъ объемѣ первоначальный опытъ Словаря Сравнительнаго.

III. Наконецъ отдадимъ отчетъ въ собственномъ нашемъ трудѣ, касательно его плана и исполненія. Отдѣленіе прежде всего обратило силы и способы свои къ изданію Словаря Азбучнаго. Напечатанный Россійскою Академіею Словарь въ азбучномъ порядкѣ и Словарь Соколова служили главною основою новому Словарю. Притомъ, какъ Россійская Академія, въ послѣдніе годы существованія своего, предполагала приступить къ новому изданію этой книги, то 74,398 словъ было уже ею собрано и объяснено. Надлежало внимательно рассмотреть эти матеріалы, исправить невѣрности, пополнить недостатки, обработать остальные слова и представить соотечественникамъ народную, первой необходимости книгу *).

При разсужденіяхъ объ изданіи Словаря представились слѣдующіе вопросы: 1) Не полезнѣ ли, прежде приступа къ составленію его, издать лучшихъ писателей нашихъ и составить для каждаго изъ нихъ особый Словарь, подобно какъ составлены были предварительно частные Словари къ Греческимъ и Римскимъ классикамъ, а потомъ уже приготовить общіе Словари Греческаго и Латинскаго языковъ? 2) Не слѣдуетъ ли, при настоящемъ изданіи Словаря, ограничиться однимъ новымъ языкомъ, отъ эпохи Петра Великаго до нашего времени, не смѣшивая его ни съ Церковно-Славянскимъ, ни съ стариннымъ Русскимъ?

По внимательномъ изслѣдованіи перваго вопроса, Отдѣленіе находило, что порядокъ, употребленный при составленіи Словарей мертвыхъ классическихъ языковъ, гдѣ почти каж-

*) Въ послѣдствіи, именно въ 1846 году, Отдѣленіе приобрѣло отъ Ординарнаго Академика П. И. Кеплена составленное имъ собраніе словъ, безъ опредѣленія ихъ значенія въ лексикологической формѣ, простирающееся до 20.000, изъ которыхъ большая часть уже входила въ отпечатанныхъ листахъ Словаря, а нѣкоторыя не могли войти въ него какъ иностранныя, или по новостямъ употребленія ихъ. Въ текущемъ году тотъ же Академикъ привезъ еще въ даръ Отдѣленію 1340 словъ, но этихъ собраніемъ оно не могло воспользоваться по поздней его поступленію.